

Влияние идеологии на историческое исследование на примере изучения Псковской православной миссии других образовательных учреждений Русской Церкви при подготовке и чтении лекций по истории Русской Церкви периода XX — начала XXI века.

Александр Алексеевич Корнилов,
д-р ист. наук, проф.,
зав. кафедрой зарубежного регионоведения
и локальной истории Института
международных отношений и мировой истории
Национального исследовательского
Нижегородского государственного
университета им. Н. И. Лобачевского
Российская Федерация, Нижний Новгород,
ул. Ульянова, 2
kotva64@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9139-3740

Aleksandr Kornilov,
Doctor of Sciences in History, Professor,
Head of Department of Study of Foreign Regions
and Local History,
Institute of International Relations and World History,
National Research Lobachevsky University
of Nizhny Novgorod,
23 Gagarina Prosp., Nizhny Novgorod 603950,
Russian Federation
kotva64@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9139-3740

ВЛИЯНИЕ ИДЕОЛОГИИ НА ИСТОРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ ПСКОВСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ МИССИИ

Рец. на кн.: История Псковской православной миссии в документах: В 2 ч. Ч. 1: Документы личного архива митрополита Сергия (Воскресенского); Ч. 2: Документы судебно-следственных дел духовенства и служащих / Науч. рук. игум. Дамаскин (Орловский); сост. иеромонах Платон (Рожков), С. Н. Романова, Л. И. Соколова, З. Н. Столярова. Козельск: Введенский ставропигиальный мужской монастырь, Оптина пустынь, 2017.

INFLUENCE OF IDEOLOGY ON HISTORICAL RESEARCH WITH A STUDY OF PSKOV ORTHODOX MISSION AS AN EXAMPLE

Rev. op.: История Псковской православной миссии в документах: В 2 ч. Ч. 1: Документы личного архива митрополита Сергия (Воскресенского); Ч. 2: Документы судебно-следственных дел духовенства и служащих / Науч. рук. игум. Дамаскин (Орловский); сост. иеромонах Платон (Рожков), С. Н. Романова, Л. И. Соколова, З. Н. Столярова. Козельск: Введенский ставропигиальный мужской монастырь, Оптина пустынь, 2017.

В год столетия катастрофы 1917 г. и утверждения в России коммунистической власти в издательстве Введенской Оптиной пустыни отметили эту трагическую дату выпуском двухтомника документов под названием «История Псковской

православной миссии в документах». Первая часть издания озаглавлена «Документы личного архива митрополита Сергия (Воскресенского)» (592 с.), вторая — «Документы судебно-следственных дел духовенства и служащих» (736 с.).

Практически весь представленный корпус документов находится в архивах Федеральной службы безопасности РФ по Псковской и Ленинградской областям. Для многих исследователей истории Церкви в годы немецкой оккупации это значительное событие, открывающее не просто новые материалы по такой сложной теме, но и позволяющее по-новому взглянуть на трудный удел церковных служителей в условиях военного противостояния двух тоталитарных режимов.

С точки зрения полиграфического качества и археографических описаний сборник подготовлен на хорошем уровне. Однако особого внимания заслуживает и подход составителей, формировавших издание, и вводные статьи к первой и второй частям, которые, по сути, являются обвинительными актами в отношении сотрудников Псковской миссии и Прибалтийского экзархата, как священнослужителей, так и церковных мирян. В качестве приложений к основному содержанию сборника читателям предложены именной указатель, список сокращений, список использованной литературы (весьма скромный) и комментарии, раскрывающие общие сведения об общественных, политических и церковных организациях и структурах, упоминаемых в документах сборника.

Прежде всего нужно указать, что для такого довольно сложного источника, как судебно-следственные дела, необходимы специальные комментарии и серьезный текстологический анализ. К сожалению, в сборнике этого нет.

Первая часть издания состоит из документов канцелярии Прибалтийского экзархата и аналитических справок, составленных весной 1945 г. сотрудниками управления контрразведки СМЕРШ III Прибалтийского фронта на основе оригинальных документов из личного архива Экзарха Сергия (Воскресенского).

Авторы-составители сборника подчеркивают высокий уровень проделанной работы, утверждая, что «скрупулезная работа Смерша освободила нас от необходимости исправлять ошибки в тексте: все документы уже были тщательно вычитаны»¹. Такая доверчивость составителей публикации вызывает не только сомнение в их источниковедческой компетенции, но и наводит на мысль о преднамеренной тенденциозности и полном доверии работникам СМЕРШа, названными в вводной статье «первыми исследователями истории Псковской Миссии»². С этим трудно согласиться, так как многие умозаключения советских контрразведчиков сводились к одной цели — обвинить православное духовенство Прибалтийского экзархата и Псковской миссии в сотрудничестве с оккупационным режимом. Так, например, о начальнике Управления Псковской миссии протопресвитере Кирилле Зайце в аналитической записке было сказано, что он «был благообразным фасадом здания, в котором гнездились участники

¹ История Псковской православной миссии в документах: [в 2 ч.]. Ч. I: Документы личного архива митрополита Сергия (Воскресенского) / [сост. А. А. Кузнецова, иеромонах Платон (Рожков), С. Н. Романова, Л. И. Соколова, З. Н. Столярова]. Козельск: Введенский ставропигиальный мужской монастырь, Оптина пустынь. 2017. С. 7.

² Там же.

белоэмигрантских организаций и агентура германских контрразведывательных органов»³. За этой вычурной фразой, достойной украсить антирелигиозное издание «Безбожник», не было приведено никакой конкретной информации. И это не единственный пример.

В аналитических документах, составленных сотрудниками СМЕРШа, не содержится прямых доказательств сотрудничества и вербовки православных клириков и мирян в органы немецких спецслужб. Чаще всего это пустые домыслы и не подтвержденные документально конструкции, которые были составлены по явному заказу вышестоящих структур. Например, собеседования, которые проводил сотрудник Рижского СД со священнослужителями, были расценены как вербовка духовенства в число агентов этой структуры, хотя прямых данных об этом приведено не было⁴.

Некоторые выводы, сделанные офицерами СМЕРШа, прямо противоположны тому, что происходило в непростых отношениях Православной Церкви и немецкой оккупационной администрации. Например, в итоговой части записки было заявлено, что «германская контрразведка прекрасно понимала, что объединенная и централизованная церковь во главе с такими людьми, как экзарх Сергей и его правая рука И. Д. Grimm, будет верной опорой оккупационного режима»⁵. Это голословное утверждение можно простить советскому офицеру из ведомства контрразведки, но почему авторы-составители оставили это субъективное заявление без комментариев? Одно из двух: либо авторы сборника плохо владеют этой темой в принципе, потому что всякий исследователь истории Православной Церкви на оккупированных территориях должен быть знаком с трудами профессора СПбДА М. В. Шкаровского, в которых он на основе немецких документов блестяще показал, что больше всего немецкие оккупационные власти боялись именно объединенной и централизованной Православной Церкви, а потому резко противились инициативам экзарха Сергея объединить части Православной Церкви в Прибалтике, в России, Белоруссии и даже во Франции под юрисдикцией Московской Патриархии; другой ответ — авторы-составители знакомы с этими тезисами, но умышленно умалчивают об этом, пытаясь не подвергать сомнению обвинительную версию советских органов.

Среди документов канцелярии Экзарха Сергея довольно много интересных материалов — рапорты начальника канцелярии Прибалтийского экзархата И. Д. Гримма на имя митрополита Сергея (Воскресенского) о встречах и беседах с различными представителями немецких служб, в том числе сотрудниками СД, контролировавшими церковный вопрос. Из содержания этих документов хорошо видно, что цель этих разговоров не была связана с вопросами вербовки агентов из среды духовенства или разоблачения антифашистского подполья и выдачи советских патриотов. Эти встречи начальника канцелярии были связаны с поиском наиболее оптимальных условий для укрепления позиций Православной Церкви и сохранения юрисдикционного единства с митрополитом Сергием (Страгородским).

³ Там же. С. 33.

⁴ История Псковской православной миссии в документах... Ч. I. С. 47.

⁵ Там же. С. 64.

Переписка Экзарха Сергия со своими адресатами в Париже (документы № 55, 56, 58–60) свидетельствует о попытках главы Прибалтийского экзархата добиться разрешения немецких властей на посещение Парижа для установления непосредственной связи с главой Западно-европейского экзархата митрополитом Евлогием (Георгиевским) и в перспективе объединения двух экзархатов под одним руководством и под эгидой Московской Патриархии.

Не менее интересны документы, свидетельствующие о неудавшейся попытке майора советской разведки Кудрявцева завербовать начальника Управления Псковской миссии протопресвитера Кирилла Зайца (документы № 28–31) в оккупированном Пскове в конце 1943 г. Этот факт сам по себе не может служить доказательством, что отец Кирилл якобы был агентом СД. О письмах Кудрявцева относительно партизанского связного, приходившего в Псков, Кирилл Зайц не сообщил немецким спецслужбам, но, оказавшись в Риге по случаю преподавания в духовной школе в Вильно, доложил о советской разведке митрополиту Сергию (Воскресенскому). Примечательно, что кроме попыток завербовать начальника миссии, майор Кудрявцев добивался через него личной встречи с экзархом Сергием.

Вторая часть сборника документов состоит из 116 документов, при этом 110 находятся на хранении в архиве УФСБ по Псковской области. По сути, публикаторы разместили большую часть двух групповых судебных-следственных дел. Первое дело № А-10676 из семи томов было заведено в отношении членов Управления Псковской миссии во главе с его начальником протопресвитером Кириллом Зайцем. Второе дело № А-21132 из четырех томов было заведено в отношении игумена Свято-Успенского Печерского монастыря Павла (Горшкова), иеромонаха Лина (Никифорова) и еще трех мирян, служивших в монастыре и, по версии следствия, завербованных немецкими спецслужбами. Строго говоря, авторы сборника здесь допускают тематическую ошибку, так как игумен Павел и служащие обители никакого отношения к Псковской православной миссии не имели. Миссия была организована в прифронтовых областях России, а Печерский монастырь находился на территории административной области Ostland и пребывал в непосредственном ведении экзарха Сергия.

Довольно странно, что издатели, претендующие на изложение истории Псковской миссии, опираются лишь на один вид источников, наиболее спорных с точки зрения их объективности. Как объясняют этот выбор сами авторы-составители, «основным критерием включения дел в публикацию была их информативность»⁶. С другой стороны, в самом начале этого издания сказано, что «многие работы на эту тему не отличаются объективностью: их авторы берут лишь отдельные фрагменты и как бы “забывают” об обширной источниковой базе, сохранившейся в архивах по данной теме, то есть используют источники, подтверждающие только их концепцию»⁷. Этот пассаж звучит здесь крайне странно, учитывая, что издатели данной книги никаких источников, кроме документов из ведомственных архивов, просто не замечают. Это не позволяет

⁶ История Псковской православной миссии в документах: [в 2 ч.]. Ч. II: Документы судебного-следственных дел духовенства и служащих. С. 5.

⁷ Там же. Ч. I. С. 5.

им привести объективные факты о служении сотрудников Псковской миссии, которые не только восстанавливали богослужебную приходскую жизнь, проповедовали Евангелие, но и оказывали помощь советским военнопленным, детям-сиротам и инвалидам. Игумен Павел (Горшков) (по версии следствия, агент немецких спецслужб), в 1941 г. руководил в Печерском благочинии сбором продовольствия для жителей города Пскова и лазарета для пленных краноармейцев, тем самым спасая от голодной смерти мирное население оккупированных территорий. Священник Георгий Бенигсен в Пскове организовал приют, школу и детский сад на основе прихода Св. Дмитрия Мироточивого. Почему эти и многие другие объективные факты деятельности православного духовенства не вошли в этот сборник как славная страница истории Псковской миссии?

Можно задать этот вопрос составителям: почему они назвали сборник «История Псковской православной миссии», но не привлекли документы из церковных архивов России, Латвии и Литвы? Почему не были предложены личные документы — дневники, воспоминания, переписка сотрудников Миссии? Так, например, в первой части издания размещены 145 документов, из них 141 из архива УФСБ. Во второй части большинство документов взято из архива УФСБ по Псковской области. Сугубый акцент на документах из архивных хранилищ службы безопасности наводит на мысль об ангажированности составителей сборника, об их особом задании, направленном на очернение церковных деятелей и мирян, послуживших возрождению Православной Церкви на оккупированных немецкими войсками территориях Прибалтики и Северо-Запада России.

Довольно примечательно, что авторы сборника ни словом не обмолвились о содержании 7-го тома группового дела в отношении Управления Псковской миссии, который полностью посвящен результатам пересмотра судебносудебного дела в 1956 г. В результате этого тщательного расследования было установлено, что дело полностью сфальсифицировано, обвинительное заключение составлено на основе лжесвидетельств и вынужденных самооговоров некоторых подследственных. В итоге определение военного трибунала Ленинградского военного округа установило, что хотя некоторые члены миссии действительно «проявляли недовольство советским строем, в связи с тем, что якобы в СССР притесняли священников и не было полной свободы богослужения», но было признано, что подобные заявления «хотя и неправильные, не содержат в себе состава преступления, предусмотренного ст. 58-10 ч. II УК РСФСР»⁸.

В вводной статье ко второй части сборника вскользь упоминается, что в отношении некоторых членов миссии в 1955–56 гг. была проведена реабилитация, но выполнена она, по мнению авторов-составителей, «в спешке, и позднее многие ее решения были отменены»⁹. Очень жаль, что это довольно важное утверждение не подкреплено реальными примерами. В то же время в ответ на легковесные утверждения авторов сборника можно ответить, что проведенная реабилитация сотрудников Псковской миссии в 1950-е и в 1990-е гг. не пересматривалась, не отменялась и действует законным образом до нынешнего

⁸ Определение № 752-Н-56 Военного Трибунала Ленинградского Военного Округа // Архив УФСБ по Псковской области. Д. № АА-10676. Т. 7. Л. 193.

⁹ История Псковской православной миссии в документах.... Ч. II. С. 5.

дня. Утверждение о «поспешности» реабилитации совершенно беспочвенно, так как в 1956 г. групповое следственное дело в отношении членов Управления Псковской миссии было тщательно изучено, проведена проверка, в том числе с привлечением трофейных немецких документов, были вызваны свидетели (а вернее, лжесвидетели, признавшие факт дачи ложных показаний в отношении миссионеров), давшие показания в 1944–45 гг. В результате проверки было установлено, что обвиняемые в измене родине сотрудники Псковской миссии были осуждены безосновательно, и вынесено объективное решение о прекращении уголовного дела и освобождении заключенных миссионеров из тюрем и исправительно-трудовых лагерей.

Авторы издания отмечают одну из особенностей следственных документов: «Этим делам свойственна значительная степень повторяемости содержащейся в них информации»¹⁰. Это неслучайно, так как следователям было важно любыми средствами добиться от обвиняемых признания в антисоветской преступной деятельности. Поэтому одни и те же формулировки и шаблоны, заготовленные следователями, кочуют по разным делам, закрепляя образ священника-коллаборациониста. В другом месте, в оправдание своей доверчивости следственным делам, авторы говорят, что «эти дела значительно отличаются от дел других исторических периодов»¹¹. На самом деле хорошо известно, что надуманные и несправедливые обвинения в адрес верующих имели место и в годы коллективизации, и во время Большого террора, и в период послевоенных преследований Церкви.

После освобождения территории СССР, окончания войны и начала так называемого «нового» религиозного курса Сталина давление на христиан не прекращалось, а участники церковного возрождения на оккупированных территориях были в своем подавляющем большинстве обвинены в коллаборационизме и осуждены на каторжные работы в ИТЛ.

Далеко не все церковные и светские исследователи придерживаются точки зрения, отраженной в указанном сборнике. Так, например, профессор Латвийского университета Александр Гаврилин, досконально изучивший вопрос репрессий советской власти в отношении православных представителей духовного сословия Латвии в 1940-е гг. (в том числе некоторых членов Псковской миссии и Прибалтийского Экзархата), сделал вывод, который необходимо учитывать каждому исследователю, вступающему на попрание изучения судебно-следственных дел:

«Судебно-следственные дела 1940–41 гг. и 1944–45 гг. состоят из подлинных, адекватных времени, месту, политическому режиму документов, однако с правовой точки зрения не являются историческими источниками, так как часто преднамеренно фальсифицируют события. С одной стороны, показания обвиняемых и свидетелей, подписи лиц, другие документируемые реквизиты в следственных делах всегда подлинны, подлинны даже в том случае, когда морально и физически сломленный человек, не выдержав пыток, под диктовку следователя свидетельствует против самого себя, то есть берет на себя несуществующую вину.

¹⁰ История Псковской православной миссии в документах.... Ч. II. С. 5.

¹¹ Там же. С. 7.

С другой стороны, приговоры по политическим статьям УПК РСФСР священнослужителям практически всегда были сфабрикованы на основе выдуманных фактов и ложных свидетельств... Учитывая специфику этого вида источников, приводимый в них материал требует самой тщательной проверки. Необходимо учитывать и особенности каждого следственного дела, которые определялись идеологическими задачами и ведомственными установками в соответствии с очередной кампанией коммунистической партии и советского правительства, личностными характеристиками следователей, обвиняемых и свидетелей. В целом невозможно использовать сведения, содержащиеся в следственных делах, если нет возможности верифицировать их другими источниками — воспоминаниями, законодательными актами, делопроизводственной документацией и др.»¹².

К особой внимательности в оценке подобных документов и правильной расстановке приоритетов госбезопасности и Православной Церкви призывает исследователь из ПСТГУ Лидия Головкова: «Возникает вопрос, чему доверять больше: церковной памяти, в которой могло отложиться не все, или документам следствия, в которых все может быть злонамеренно искажено. В каждом конкретном случае требуется кропотливое изучение всех доступных свидетельств и их предельно трезвая оценка»¹³.

Вместе с тем Л. А. Головкова настаивает на том, что документы следствия и реальность могут оказаться очень далеки друг от друга: «Никогда нельзя быть уверенным, что подследственный вел себя на следствии так, как это следует из дела, а не иначе. Кроме физического принуждения (иногда чудовищного, о котором мы не имеем даже отдаленного представления), на вооружении у следователей 1930-х — начала 1950-х годов было множество иных средств, и первыми в этом ряду должны быть названы обман и подтасовка фактов»¹⁴.

Вполне авторитетно в этом ряду мнение ректора ПСТГУ протоиерея Владимира Воробьева, напомнившего, каким образом добывались результатов следователи НКГБ: «Подписи подследственных на страницах следственных протоколов очень часто, особенно в 1937–1938 гг., когда официально было разрешено применять на допросах пытки, и они применялись с невероятной жестокостью, не могут считаться достаточным основанием для того, чтобы обвинить допрашиваемых, подписавших “свои показания” (в действительности почти всегда сочиненные следователями), в нестойкости или в том, что они кого-то выдали»¹⁵.

---

¹² *Гаврилин А. В.* Уголовные дела православных священников как источники изучения сталинских репрессий на территории Латвии // Церковь и время. Научно-богословский и церковно-общественный журнал. ОВЦС МП. 2010. № 3 (52). С. 199–200, 215–216.

¹³ *Головкова Л. А.* Особенности прочтения следственных дел в свете канонизации новомучеников и исповедников Российских // Богословский сборник. ПСТБИ, 2000. Вып. 6. (Приложение). С. 1.

¹⁴ *Головкова Л. А.* «Оценка личности, а тем более критерий святости — невозможны на основании следственных дел» // Последнее следственное дело архиепископа Феодора (Поздеевского) / Т. В. Петрова, авт.-сост. М.: Даниловский благовестник, 2010. С. 264–265.

¹⁵ *Воробьев В., прот.* Отклики на публикацию «Последнего следственного дела архиепископа Феодора (Поздеевского)» // Последнее следственное дело архиепископа Феодора (Поздеевского). М., 2010. С. 261.

Возможно, кто-то из оппонентов вновь постарается сделать акцент на том, что данные документы, приведенные в рецензируемом сборнике, имеют большую степень объективности и созданы на добровольных признаниях подследственных. Однако материалы уже упомянутого 7-го тома судебно-следственного дела № АА-10676 свидетельствуют об обратном. В частности, было указано, что признательные показания подследственных «являются от начала до конца неправильными, вымышленными ими по указанию лиц, проводивших следствие по делу, вследствие грубейших нарушений социалистической законности»¹⁶. Под нарушением законности подразумеваются вполне конкретные действия, о которых рассказали осужденные: моральные и физические издевательства, подтасовка материалов и составление протоколов следователем, после чего он с помощью угроз и избиения добивался подписи вымышленных показаний.

Один из авторитетных исследователей новейшей истории Русской Православной Церкви священник Александр Мазырин также подтверждает мнение о серьезной проблеме, с которой сталкивается каждый исследователь, опирающийся на следственные материалы: «Использование архивных документов советских спецслужб поставило проблему их правильной с точки зрения Церкви интерпретации. Особенно остро эта проблема стоит в отношении собственно следственных документов: протоколов допросов, обвинительных заключений, внутренней переписки органов госбезопасности»¹⁷.

Последнее слово в ряду этих важных рекомендаций и принципов изучения судебно-следственных дел хотелось услышать из уст исповедника веры Христовой в СССР, недавно почившего монаха Серафима (Алексея Петровича Арцыбушева). Он вырос в церковной среде, его окружали подвижники и святые люди — священники, монахи, епископы и миряне, принадлежавшие к кругу «непоминающих». Сам Алексей Петрович также был арестован и прошел все круги лагерного ада, но не сломался и сохранил верность Христовой Церкви. Незадолго до кончины Арцыбушев обратился с открытым письмом к Патриарху с вопрошанием о принципах канонизации святых новомучеников XX века, когда определяющим критерием становятся факты следственных дел из архива государственной безопасности. Алексей Петрович Арцыбушев в письме Святейшему Патриарху написал такие строки, очень важные и для этой рецензии: «Я один из свидетелей этих преступлений против человечности, против достоинства и чести личности, и я свидетельствую: протоколы допросов не могут быть приняты Церковью как достоверный документ! Материалам следствия верить нельзя»¹⁸.

Авторы-составители сборника утверждают: «Целью нашей работы является ознакомление всех интересующихся историей РПЦ с наиболее информативными источниками по Псковской Миссии. Именно поэтому мы назвали публика-

¹⁶ Определение № 752-Н-56 Военного Трибунала Ленинградского Военного Округа // Архив УФСБ по Псковской области. Д. № АА-10676. Т. 7. Л. 192.

¹⁷ Мазырин А., священ. Протоколы допросов и вопрос о церковном прославлении: случай архиепископа Феодора (Поздеевского) // Последнее следственное дело архиепископа Феодора (Поздеевского). С. 255–256.

¹⁸ Арцыбушев А. П. Открытое письмо Святейшему Патриарху Кириллу/ URL: <https://psmb.ru/a/eto-bylo-samoe-duhovnoe-duhovenstvo.html> (дата обращения 10.03.2018).

Влияние идеологии на историческое исследование на примере изучения Псковской православной миссии
цию «История Псковской православной миссии в документах»¹⁹. Это смелое заявление совершенно не выдерживает критики: судя по определенному подбору источников, цель составителей ввести читателя в заблуждение и навязать ему крайне субъективную оценку деятельности православного духовенства и мирян на оккупированных территориях. Это трудно назвать историей, это, по сути, акт обвинения, который вслед за работниками НКГБ составители сборника предъявляют миссионерам, трудившимся в условиях оккупации.

Приходится констатировать, что данный сборник так и не представил объективной картины служения пастырей Псковской миссии. По-видимому, составление сборника документов, объективно отражающих подвиг священнослужителей, по-прежнему остается делом будущего.

Обозный Константин Петрович,
канд. ист. наук,
зав. кафедрой церковно-исторических дисциплин
Свято-Филаретовского православно-христианского института
Российская Федерация, 105062,
г. Москва, ул. Покровка, д. 29
suhoput2006@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-5284-4884

Konstantin Oboznyi,
Candidate of Sciences in History,
Head of Department of Ecclesiastical and
Historical Disciplines,
St. Filaret's Christian Orthodox Institute,
29 Pokrovka Str., Moscow,
105062, Russian Federation
suhoput2006@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-5284-4884

---

¹⁹ История Псковской православной миссии в документах. Ч. I. С. 5.